

UDK: 314.7.045(47)
Izvorni znanstveni rad
Primljeno: 09. 06. 2005.
Prihvaćeno: 16. 09. 2005.

ЕЛЕНА КИРИЛЛОВА

*Институт народнохозяйственного прогнозирования
Российской Академии наук, Москва*

Вынужденная миграция в Россию: 15 лет спустя

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется миграционная ситуация в России в результате кризиса социально-экономической системы, распада Союза, развития межнациональных конфликтов в странах СНГ и Балтии. Приводятся данные о вынужденной миграции из стран СНГ в Россию. Автор представил результаты социологического исследования вынужденных мигрантов, проведенного в нескольких российских регионах. Исследование выявило проблемы обустройства и адаптации переселенцев из стран СНГ и Балтии (преимущественно русских) в России, их взаимоотношения с коренным населением и официальными структурами; юридические, психологические и другие аспекты адаптации людей, фактически оказавшихся иностранцами в собственной стране. Кроме того, приведены короткие выдержки интервью с мигрантами об их жизни в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграционные процессы, вынужденная миграция, адаптация, Россия, страны СНГ

Схлынула миграционная волна из стран Содружества в Россию, вызванная коллапсом социально-экономической системы, распадом Союза и развитием межнациональных конфликтов начала 90-х годов в постсоветских странах и захватившая в течение прошедшего пятнадцатилетия преимущественно русскоязычное население. Сюда ехали как те, кто в свое время жил в России, так и впервые решившие в ней остаться. Гонимые угрозами и преследованиями, боясь за судьбу своих детей, люди перебирались в Россию в надежде на лучшее будущее. Кто-то – чтобы переждать смутное время и затем вернуться, кто-то – насовсем, лишь бы избавить себя и своих близких от страха и ужасов войны, кто-то – поддавшись общему настроению. Люди чувствовали угрозу своей безопасности в бывших республиках СССР, и их переезд был оправдан.

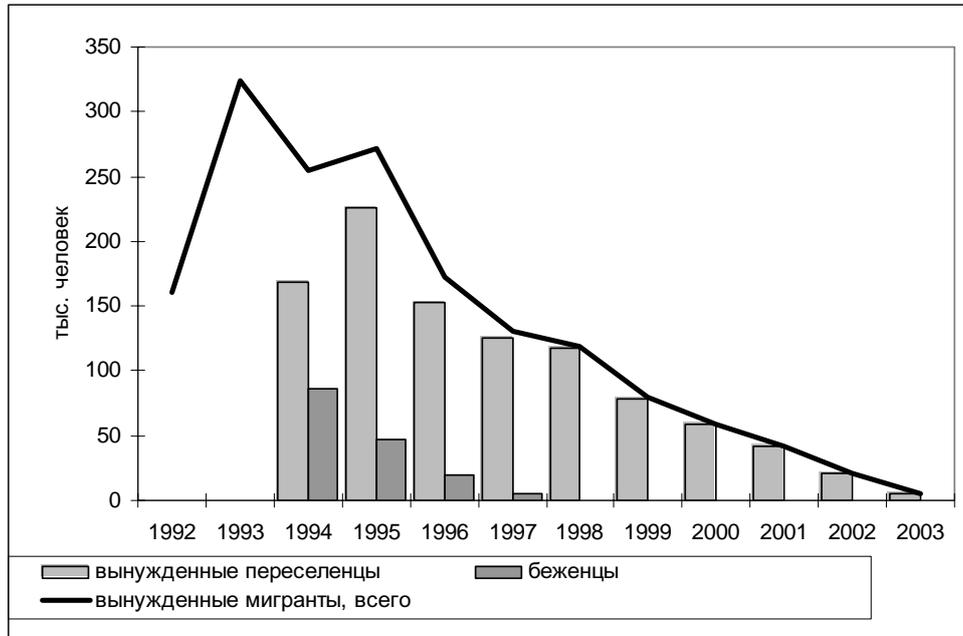
Сегодня проблема беженцев и вынужденных переселенцев, на первый взгляд, теряет свою актуальность. Статистика свидетельствует о значительном, более чем в три раза, спаде этого потока.

Регистрация вынужденных мигрантов¹ началась в России с июля 1992 г. Их максимальная численность достигла максимума в начале 1998 г., составив

¹ Под вынужденными мигрантами в данном случае подразумеваются мигранты, получившие статус вынужденного переселенца или беженца. На статус вынужденного переселенца могут претендовать

1191,9 тысячи. Самый быстрый рост количества вынужденных мигрантов наблюдался в 1993–1995 гг., когда их число увеличивалось на 255–288 тыс. человек в год. По мере прекращения активных вооруженных действий и достижения перемирия в зонах конфликтов количество вновь зарегистрированных вынужденных мигрантов сокращалось: в 2000 г. оно составляло 59196 человек, в 2001 г. – 41958 и в 2002 г. – 20504 человека, в 2003 г. – 4726 человек (рис. 1).

Рис. 1: Численность ежегодно регистрируемых вынужденных мигрантов, 1992–2003 гг. (тыс. человек)

Примечание: В 1992 и 1993 гг. до принятия законов о беженцах и о вынужденных переселенцах вынужденные мигранты в статистической отчетности учитывались совокупно.

Всего за 1992–2003 годы в Российской Федерации получили статус вынужденных переселенцев и беженцев 1637,6 тыс. человек из более 2 млн. подавших соответствующие ходатайства.² В числе получивших статус 1392,4 тыс. Чело-

лица, вынужденно оставившие места своего жительства в странах СНГ и Балтии, в том случае, если они приняли российское гражданство. Соискателями этого статуса могут быть также внутренние перемещенные лица. Статус беженца распространяется на лиц, не имеющих российское гражданство.

² Фактические объемы регистрируемой вынужденной миграции могут быть и меньшими. Это связано с тем, что большая часть беженцев, получив российское гражданство, лишалась статуса беженца, но при этом не лишалась возможности получить статус вынужденного переселенца. Поэтому в статистике они могли пройти дважды. Масштабы такого двойного счета не ясны.

век – выходцы из государств СНГ и Балтии, 243,1 тыс. человек – из российских регионов (табл. 1).

Таблица 1: Число вынужденных переселенцев и беженцев, зарегистрированных в 1992–2003 гг. (тыс. человек)

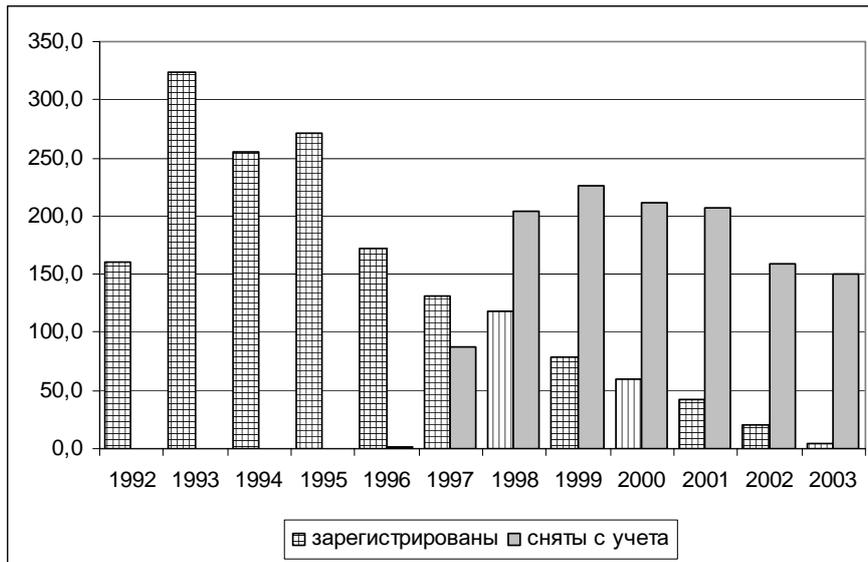
Годы	Общая численность	В том числе:		
		Из регионов России	Из стран СНГ и Балтии	Из других стран
	1637,6	243,1	1392,4	2,1
1992	160,3	21,8	138,3	0,2
1993	323,2	83,8	238,8	0,7
1994	254,5	23,0	231,4	0,1
1995	272,0	34,9	237,1	0,0
1996	172,7	20,4	152,2	0,0
1997	131,1	15,4	115,6	0,1
1998	118,2	13,9	104,1	0,2
1999	79,1	14,1	64,8	0,3
2000	59,2	9,7	49,3	0,2
2001	42,0	4,4	37,4	0,1
2002	20,5	1,2	19,3	0,1
2003	4,7	0,4	4,3	0,0

Источник: Федеральная миграционная служба России.

За истекшее время статуса вынужденного переселенца и беженца лишились (были сняты с регистрационного учета) 1093,5 тысячи человек, или 66,8% всех зарегистрированных в указанном качестве. Основная причина – истечение срока действия статуса. Активный процесс снятия вынужденных мигрантов с учета начался в 1997 г. (рис. 2). С 1998 г. число вынужденных мигрантов, утративших статус, превышало число лиц, которым статус был предоставлен, поэтому общая численность статусных вынужденных мигрантов неуклонно сокращалась.

Численность вынужденных мигрантов к началу 2004 г. уменьшилась до 360,8 тыс. или в 3,3 раза по сравнению с максимальным их количеством в 1998 г. (1191,9 тыс.). Подавляющее большинство вынужденных мигрантов (97,6%) имеют статус вынужденного переселенца. На начало 2004 г. насчитывалось 352,1 тыс. вынужденных переселенцев, из них 61,4 тыс. (17,4%) – внутренние перемещенные лица. В эту категорию не входят сотни тысяч граждан, покинувших Чеченскую республику, начиная с 1999 года, и временно расселенных на соседних с Чечней территориях. В первую Чеченскую кампанию только за декабрь 1994 – январь 1995 гг. республику покинули более 260 тыс. человек. Часть из них впоследствии вернулась. В течение 2000–2001 гг. число внутриперемещенных лиц в Чечне и прилегающих регионах, по данным Минфедерации России, в отдельные месяцы превышало 400 тысяч. На начало июля 2004 г. число внутриперемещенных лиц составляло 251,2 тыс. человек, в т.ч. за пределами Чеченской республики – 41,6 тыс. человек. Многие из ранее зарегистрированных в указанном качестве вернулись или были возвращены к местам своего постоянного проживания.

Рис. 2: Число зарегистрированных и снятых с учета вынужденных мигрантов, 1992–2003 гг. (тыс. человек)

Статус беженца в начале 2004 г. имели 8,7 тыс. мигрантов, из них почти все прибыли из стран СНГ и Балтии и только 362 человека из других стран (в том числе 346 из Афганистана). Статус беженца лицам, прибывшим не из СНГ, получить в России крайне трудно.

Сокращение ежегодного числа регистрируемых вынужденных переселенцев и беженцев – во многом объективный процесс, так как большинство конфликтов на постсоветском пространстве либо урегулированы, либо заморожены. В то же время проблемы вынужденных мигрантов, находящихся в России, далеко не решены. Многие из них не имеют жилья, работы и не могут узаконить свое пребывание (получить постоянную регистрацию по месту жительства). Несмотря на это, вынужденные мигранты часто не настаивают на продлении статуса, так как он часто не способствует улучшению их ситуации. Из-за этого и многие вновь прибывшие не претендуют на статус. Так, в 2002 г. с ходатайствами о статусе обратились 25,7 тыс. человек, а в 2003 г. уже 7,4 тыс. человек. Было удовлетворено 79,6% и 64% просьб соответственно. Высокие темпы снятия с учета на фоне тяжелого положения значительной части вынужденных мигрантов красноречиво свидетельствуют о стремлении властей как можно быстрее сбросить с себя бремя вынужденной миграции. Фактически это означает отказ государства от своих обязательств перед беженцами и вынужденными переселенцами.

Мы решили взять у переселенцев³ серию интервью, чтобы выяснить, вы-

³ Имеются в виду как беженцы и вынужденные переселенцы, так и не имеющие такого статуса.

полнило ли государство свои обязательства перед ними.⁴ Побеседовав с людьми, которых называют обидным для многих словом «мигранты», мы пришли к выводу, что их ситуация по-прежнему крайне сложна. Им пришлось фактически заново строить свою жизнь, далеко не всем удалось взять с собой вещи, мебель, кто-то сумел переправить сюда контейнер с имуществом, но ведь многие – те, кто уезжал из «горячих» точек, – бежали буквально в том, что было на них. Кому-то не удалось продать свою квартиру, многие надеялись в скором времени вернуться. А те, кто продал, на вырученные деньги смогли купить в России «лишь пару сапог» (Кириллова, 2004).

Предваряя анализ ситуации вынужденных мигрантов в России, замечу, что людей, отторгнутых тем обществом, в котором они жили многие годы, отнюдь не всегда ждет здесь приветливое отношение. Бюрократы всех сортов и разрядов не торопятся оказывать им помощь, чиновничий произвол унижает, жесткость законов не позволяет адаптироваться к и без того сложной жизни, местные жители видят в них чужаков и нежеланных гостей, органы правопорядка преследуют и вымогают взятки, пытаются списать на них все правонарушения. И все это несмотря на то, что подавляющее большинство мигрантов составляют русскоязычные.

Независимо от того, с кем мне приходилось беседовать – с теми, кто имел статус беженцев или вынужденных переселенцев или нет, – ситуация с обустройством практически одинакова у тех и других, их проблемы аналогичны. Причем это не зависит от того, как долго эти люди находятся в России – 2–3 года или уже 10–15 лет. В то же время, как следует из результатов социологического обследования 900 вынужденных мигрантов из стран СНГ, проведенных Г. Витковской, те мигранты, которые не имеют статуса, в меньшей степени нуждаются в социальной защите и более готовы к самообустройству (Витковская, 2001: 239–240).

Проблемы вынужденных переселенцев

Из множества трудностей, с которыми сталкиваются переселенцы, наибольшие связаны с получением *гражданства* Российской Федерации, в основном это объясняется несовершенством миграционного законодательства и всевозможными бюрократическими препонами (*«Отправили меня в паспортный стол паспортно-визовой службы, там сказали, что мне надо получить вид на жительство. Это*

⁴ Интервью были взяты в 2002 г. у переселенцев, приехавших в Россию, преимущественно из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, а также из Чечни, Азербайджана, Прибалтики и проживающих в Центральном и Приволжском федеральных округах. Интервьюированием было охвачено около 100 вынужденных переселенцев как в городах – Москве, Калуге, Рязани, Самаре, Сызрани, Пензе, Рыбном, так и в сельской местности; проживающих как в компактных поселениях, так и дисперсно. Своими проблемами делились руководители общественных переселенческих организаций в городе Чехов Московской области (Региональная общественная организация вынужденных переселенцев и беженцев «Свет»), пос. Воротынок Калужской области (Воротынская общественная организация содействия мигрантам «Воротынок-переселенец»), Самаре (Региональная общественная организация «Самарский переселенец»), Сызрани Самарской области (Общественная организация «Переселенец»), Пензе (Пензенская региональная общественная организация пострадавших в Чеченском конфликте) и Рязани (Рязанская областная общественная организация «Содружество»).

значит, 5 лет ждать гражданства и еще полгода собирать справки. А я уже живу здесь около 10 лет и присягу принимал в России»). За последние годы произошло резкое ужесточение порядка приема мигрантов⁵ из стран СНГ в России. Согласно новым законам о гражданстве и о пребывании иностранных граждан мигранты из СНГ (кроме уроженцев России) были лишены каких-либо преференций в отношении оформления вида на жительство и гражданства России. В этом отношении бывшие наши сограждане были приравнены в правах к иностранцам из стран, находящихся за пределами СНГ.

Не облегчают положение и принятые поправки к Закону «О гражданстве Российской Федерации». К тому же эти поправки коснулись лишь небольшой части переселенцев. Большинству из них в гражданстве отказывают. Ситуация совершенно нелепая: около 30 процентов мигрантов, живущих в России более 5 лет, до сих пор не имеют гражданства. При этом, как сказал начальник Департамента социального развития аппарата правительства Е. Гонтмахер, «вряд ли приходится надеяться на скорое решение проблемы из-за Л. бюрократической консервативности и неповоротливости» (Гонтмахер, 2004).

Часто без регистрации вынужденным переселенцам не предоставляют гражданство, а без гражданства не регистрируют, отказывают и в ссудах на жилье. Таким образом, возникает замкнутый круг («Сыну не давали гражданство, говорили: "пропишись", а прописку давали на 6 месяцев. Сказали, как пропишешься на постоянное жительство, дадут гражданство. А в ЖЭКе, наоборот, говорили: "Когда гражданство получишь, тогда тебя пропишем постоянно". И так целый год его мучили.» «Сославшись на то, что с гражданством я немного запоздала, мне отказали в ссуде на жилье.» «Вырваться из заколдованного круга практически невозможно, надо только уезжать. А куда уедешь?»).

Наиболее свежим примером нарушения прав мигрантов может служить ситуация, которая сложилась с **обменом паспортов**. Для многих соотечественников, уже прибывших или прибывающих в Россию, чисто техническая процедура превратилась в дополнительную повинность, в ходе которой необходимо еще раз доказывать свое право на гражданство Российской Федерации.

Мигрант оказывается заложником конкретного чиновника («Так, как я решил, так все и будет. У меня все "схвачено". Рот закрой, ты здесь никто»). Если чиновник не хочет зарегистрировать мигранта, он найдет тысячу способов, чтобы этого не сделать. Захочет получить мзду – устроит такую бумажную волокиту, что человек будет вынужден заплатить деньги.

Процедура регистрации не отрегулирована и полностью зависит от правовой грамотности и честности чиновника, милицейского работника. По прошествии 5 лет у 40 процентов вынужденных переселенцев, с которыми мне удалось побеседовать, до сих пор не решена **проблема регистрации (прописки)**.

Жесткая привязка регистрации к адресу, полностью зависящая от воли владельца жилья и регламентированная различными нормативными требованиями к

⁵ Здесь и далее имеются в виду вынужденные мигранты.

размеру и качеству жилья, в условиях, когда практически отсутствует дешевый жилищный фонд, где мигрант мог бы свободно зарегистрироваться и проживать, ведет к тому, что многие мигранты длительное время находятся в поиске домика или квартирладельца, который согласился бы их зарегистрировать.

Как показали обследования лаборатории миграции Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, в Оренбургской области в 2002 году каждый пятый из числа незарегистрированных мигрантов пребывает в таком состоянии из-за того, что ему «негде было зарегистрироваться» (*Население России*, 2004: 135–136). Громоздок и сам механизм регистрации, таящий множество лазеек для придинок. В результате не выполняются установленные Законом о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации требования. Так, по данным указанных обследований лишь 17% мигрантов смогли зарегистрироваться в течение недели, тогда как половина не смогла пройти эту процедуру и за 2 месяца при установленном трехдневном сроке. Сейчас регистрация – это огромная коррумпированная сфера (Зайончковская, 2004: 50–52).

Еще большее недоумение вызывает прописка «на всю жизнь», получив которую, человек не может никуда уехать, потому что нигде в другом месте его зарегистрировать не будут. Фактически это нарушение прав человека на свободу передвижения (*Права и свободы личности*, 2003). («*При заселении мне сказали, что это квартира до моей смерти. И если бы я захотела уехать, меня отсюда вышлют, но больше нигде не пропустят.*»)

Проблема жилья. Те переселенцы, которые имели на прежнем месте жительства собственный дом либо большую комфортабельную квартиру (а это, как правило, не очень молодые люди), вряд ли когда-либо смогут восстановить прежние жилищные условия. Рассчитывать на помощь государства не приходится. Е. Гонтмахер приводит следующие данные: «В очереди на жилье стоят 154 тысяч самых нуждающихся. На их обустройство в бюджете 2004 года выделено 250 миллионов рублей, что позволит купить квартиры всего лишь для 2 тысяч человек. Остальным же, кто ждет по 5–6 и более лет, придется ждать еще несколько десятков лет. Многие ли этой государственной милости дождутся?» (Гонтмахер, 2004).

Мне практически не встретились переселенцы, которые смогли на заработанные в России деньги купить себе жилье. Почти все мои собеседники на тот момент проживали либо в общежитиях, либо в полузаброшенных и развалившихся хибарах (бараках, сараях, вагончиках), которым уже давно пора на снос («*потолки протекают, обои отваливаются*»). Немногим посчастливилось получить квартиры в домах, построенных Федеральной миграционной службой специально для вынужденных переселенцев. Я видела несколько таких домов и в Пензенской, и в Рязанской, и в Самарской областях. На фоне жалких «хибар» местных жителей они производят неплохое впечатление. Но построены они из непрочного материала, ведь это временное жилье, и оно тоже понемногу рушится.

Однако проблема не только в отсутствии нормального жилья, но и в том, что переселенцам не дают возможности оформить это жилье на себя, то есть получить в собственность. Более того, нередко собственность никак не легализо-

вана, и человека могут выгнать оттуда в любой момент. В Пензенской области я видела дом, в котором живут переселенцы. Это старая полуразрушенная школа, которую давно списали, по сути дела барак. Люди кое-как приводят ее в порядок, но даже такое помещение им не разрешают оформить в собственность. Подобное жилье не является жилым фондом, а потому на него не может быть оформлен соответствующий ордер. Следовательно, у человека, теряющего такое жилье, не остается никаких документов, которые были бы достаточным основанием для улучшения жилищных условий.

Переселенцы – люди энергичные, они готовы ремонтировать, достраивать, но если ты не уверен, что завтра у тебя это отремонтированное жилье не отберут, пропадает желание его восстанавливать («Где гарантия, что завтра нам не скажут: *Выметайтесь отсюда?*» «Живем на птичьих правах, в любой момент нас могут отсюда выселить»).

Из тех, с кем довелось побеседовать, проблему жилья сумели решить около половины. Есть и такие, кто приехал в Россию в самом начале 1990-х годов и до сих пор снимают жилье.

Проблема трудоустройства, вопреки ожиданиям, оказалась менее острой. Большинству удается ее как-то решить, особенно тем мигрантам, кто живет в крупных городах. Правда, чаще устраиваются на работу не по специальности («*Моя сноха – инженер с высшим образованием, а работает лопатой*»). Специфика переселенческой ситуации состоит в том, что мигранты, не имеющие регистрации и гражданства, вынуждены работать только неофициально. Им гораздо труднее найти работу, чем коренному населению, они – аутсайдеры на рынке труда, ведь у местных жителей гораздо больше информации о наличии рабочих мест, шире контакты, в большей степени развиты возможности протектирования. Нередко отношения мигрантов с работодателями основываются не на трудовом законодательстве, а на абсолютном диктате последних. Мигранты, не получившие гражданства РФ, не могут рассчитывать и на пособие по безработице.

Распространенная форма трудоустройства мигрантов – **работа за жилье**. Но жилье, которое предоставляют человеку на таких условиях, привязывает его к месту, люди оказываются в положении заложников. Большинство из моих интервьюеров, работающих за жилье, – люди с высшим образованием. Как правило, зарплата у них очень низкая, к тому же ее часто задерживают. Работа либо связана с охраной, уборкой, обслуживанием, либо это занятость в совхозе. Должности – вахтеры, электрики, дворники, сельскохозяйственные рабочие. Нередко людей обманывают, вовремя не выплачивают зарплату. Пользуясь тем, что человек «повязан» жильем, не прописывают, боятся, что мигрант после прописки сразу уволится. Поэтому предприятия тянут как можно дольше с предоставлением прописки («*Нам по 2–3 месяца зарплату не платят, хотя работа адская. А заикнешься об увольнении – все, освобождай жилье*»).

Чтобы полноценно решить проблему трудоустройства мигрантов, на помощь должен придти мелкий и средний бизнес, необходимо, чтобы открывались магазины, пекарни, предприятия сферы обслуживания, соцкультбыта и т.п. Большая роль в активизации мелкого бизнеса должна принадлежать государству. А спрос на

такие предприятия есть, особенно на селе. Но и здесь все идет не гладко. В Пензенской области в начале 90-х годов была построена пекарня. Сначала там работали переселенцы: кондитеры, кулинары, но постепенно местные их вытеснили.

Пока наиболее реальным выходом из положения являются заработки на выезде. Но это в основном удел мужчин, женщины чаще оказываются не востребованными (*«Я даже на бирже уже не стою. Работу они не предлагают, надо искать самим. А если предлагают, то такую, как нянечкой, с окладом 150 рублей, а мне на дорогу надо 400 рублей.» «В совхозе можно устроиться дояркой, и то по блату»*). Совхозы сейчас переживают не лучшие времена, работы там мало. Поэтому даже такая профессия, как доярка, оказывается дефицитной. И хотя опыт адаптации городских жителей в селе в целом неудачен, многие переселенцы, особенно неполные семьи – женщины с детьми – вынуждены ехать в село, где они надеются выжить с помощью подсобного хозяйства.

Роль государства и общественных организаций

Мигранты, прибывающие в Россию, в первую очередь обращаются за помощью в миграционные службы. Россия предпринимает определенные усилия по приему и обустройству переселенцев. Эти усилия наращивались во время существования Федеральной миграционной службы России, но в дальнейшем, когда начались ее непрерывные реорганизации, вся ее деятельность постепенно сошла на нет. В нескольких, увы, немногочисленных рассказах переселенцев звучат слова благодарности в адрес ФМС (*«Это единственное, что мы увидели в России хорошее, доброе. Счастье наше, что есть крыша над головой»*). Но чаще можно услышать упреки и нарекания (*«Моя сноха ходила в миграционную службу, там ей сказали: Поезжай туда, откуда ты приехала»; «Мы предоставили справки, но нам не поверили, сказали, что они купленные»*).

В отличие от миграционной службы, которая не всегда внимательна к переселенцам, общественные переселенческие организации, как правило, оказывают действенную помощь. Конечно, они не имеют возможности купить мигранту жилье, предоставить весомую материальную помощь, но их консультация, а иногда и просто доброжелательное отношение, совет часто помогают. В переселенческих организациях переселенцы отмечают «сердечное отношение и внимание» к своим проблемам. Здесь консультируют вынужденных переселенцев по вопросам оформления гражданства, помогают людям сориентироваться на новом месте жительства, оказывают помощь в трудоустройстве, создании рабочих мест, регистрации, строят компактные поселения (*«Единственная организация – “Самарский переселенец”, здесь другое отношение, сочувствуют, выслушивают, как-то пытаются помочь»*).

Вместе с тем, отсутствие необходимой финансовой поддержки со стороны государства вынуждает эти организации работать на общественных началах, делает невозможным привлечение необходимого числа квалифицированных юристов. Большинство юристов – волонтеры, работающие безвозмездно, на одном лишь энтузиазме.

Государству следовало бы подумать о том, чтобы поддержать эти организации, которые оказывают неоценимую помощь переселенцам. Кроме того, помощь государства была бы необходима при организации собственных производств, которые готовы создавать и создают общественные переселенческие организации по месту жительства переселенцев.

Взаимоотношения с местным населением

Уровень терпимости населения по отношению к мигрантам в целом невысокий, поэтому для переселенца очень важно выбрать место поселения. В крупных городах переселенцев значительно реже волнует отношение местных жителей к ним. В поселках и деревнях мигрантофобия заметно острее, так как здесь люди больше сталкиваются друг с другом, им сложнее затеряться, все на виду. В селе болезненна проблема пьянства, нередки случаи бандитизма, хулиганства, воровства. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с выводом, полученным на примере обследования Центром стратегических исследований Приволжского федерального округа сельских регионов Оренбургской области (Доклад, 2002), о том, что «в противоположность горожанам, сельское население относится к мигрантам гораздо дружелюбней». Этот тезис является скорее исключением, нежели правилом. Как показали беседы с переселенцами, чем выше статус населенного пункта, тем менее остра проблема взаимоотношений. В крупных городах (Москве, Самаре, Пензе) респонденты значительно реже жалуются на враждебное отношение со стороны местных жителей, в небольшом городе (Сызрани) даже руководитель общественной переселенческой организации подвергается травле («Я никогда не думала, что столкнусь с жестокостью и непониманием. На моем подъезде написано “Чечня”, меня взрывали, издевались, а я не реагировала»).

В одном из интервью было высказано мнение, что к отношению окружающих к мигрантам зависит от их собственного настроения. Если человек сам готов идти навстречу, помогать другим, к нему тоже относятся доброжелательно («Я уживчивая, люди здесь нормальные, я нахожу контакт с ними»). К сожалению, очень часто враждебность со стороны местных жителей к мигрантам присутствует изначально и проявляется вне зависимости от отношения приезжих к местному населению.

«Мы сами стараемся обходить конфликты. Своим соседям помогаем, особенно одиноким бабушкам. Но даже те люди, которым мы здесь помогаем, называют нас за глаза *чечены*» – говорит один из переселенцев. Чего только ни приходится слышать приезжим в свой адрес: «Буржуи, чужеземцы проклятые», «Зачем вы приехали?», «Чтоб вы сдохли», «Вы здесь не нужны». Есть случаи, когда местные жители ведрами били детей переселенцев, издевались, взрывали их жилье.

Проблеме толерантности было уделено значительное внимание на Всероссийском Чрезвычайном съезде в защиту мигрантов (20–21 июня 2002 года) (*Всероссийский...*, 2002), съездом была принята резолюция по поводу ксенофобии и расовой дискриминации в отношении к мигрантам, но это не изменило общего настроения.

Отношение молодых людей к проблеме обустройства в России

Несмотря на трудности, выпавшие на долю их родителей, большинство детей счастливы, что приехали в Россию, и единодушно считают, что «здесь лучше» (*«Не было бы счастья, да несчастье помогло.» «Жить там после тех условий, которые мы имеем здесь – свет, тепло, я просто уже не смогу»*). Свое будущее они связывают с Россией. Все молодые респонденты, с кем приходилось беседовать, намерены получить высшее образование и четко представляют себе свои перспективы. Это вселяет определенные надежды на будущее (*Российская молодежь*, 2005: 362–369).

Заключение

Несмотря на то, что прошло уже довольно много времени с начала переселения бывших сограждан из стран СНГ и Балтии в Россию, думается, России все-таки рано сбрасывать со счетов проблему их обустройства. Она не выполнила своих обещаний и взятых на себя обязательств перед мигрантами (Артоболевский и Зайончковская, 2004: 16). Миграционная политика России, к сожалению, не способствовала нормальному обустройству этих людей.

Исследования проблем вынужденных переселенцев свидетельствуют о невероятных трудностях, с которыми им пришлось столкнуться в России, причем вне зависимости от места и региона нынешнего проживания. Большинство приехавших – люди энергичные, активные, образованные. Они почти не надеются на помощь государства и властных структур, готовы работать, строить жилье, воспитывать детей, но ситуация с оформлением своего полноправного проживания в России (регистрацией и гражданством) создает им сложности при устройстве на работу, учебу, покупке жилья, обращении в медицинские заведения и просто в обычной жизни. Эти препятствия по большей части носят искусственный, волюнтаристский характер. Процессы регистрации и получения гражданства не отрегулированы и создают широкий простор для произвола чиновников. Охота за «нелегалами поневоле» стала доходным промыслом российской милиции.

За время, прошедшее после переезда в Россию, лишь очень немногие сумели восстановить свой прежний уровень благосостояния, однако большинство никогда его не достигнет, слишком велика пропасть между жизнью «там» и «здесь» и слишком много потеряно в одночасье. Вновь и вновь, перечитывая каждую историю, мы поражаемся, как люди сумели не озлобиться, сохранить в себе достоинство, силу духа, любовь к России, решимость построить новую жизнь. Каждый третий мигрант свой переезд в Россию связывает с заботой о ребенке. Ради будущего детей они готовы на самопожертвование и надеются, что детям в России будет лучше и, главное, дети не испытают здесь всего того, что выпало на долю их родителей.

Распространено мнение, что наибольшие сложности в обустройстве переселенцев обусловлены необходимостью больших материальных затрат, связанных с предоставлением жилья, созданием рабочих мест и т.п. Между тем, мигранты давно уже не ждут от государства никакой помощи. Напротив, как показы-

вает опыт, самые сложные проблемы возникают «на пустом месте», вне всякой связи с вопросом финансирования. Государство чинит препятствия переселенцам всегда, даже в случаях, когда решение вопроса зависит лишь от нехитрой бюрократической процедуры. К примеру, ситуация с получением прописки, гражданства не требует специальных затрат, но даже этих прав государство не хочет предоставлять мигрантам.

Наши бывшие сограждане, переселившиеся в Россию, страдают от чрезмерного «внимания» со стороны государства. Вместо того чтобы просто легализовать положение приехавших людей, дать им возможность самостоятельно найти работу, государство мешает им нормально устроить свою жизнь. Как сказал М. Г. Арутюнов, президент Международной правозащитной ассамблеи, «власти, ограничивая дееспособность уже въехавших мигрантов, вольно или невольно побуждают их к выезду из России, тем самым приближая демографическую катастрофу России» (*Всероссийский...*, 2002: 155).

Задача государства – разработать правильную миграционную политику по приему и обустройству вынужденных переселенцев, которая будет направлена на максимальное благоприятствование их адаптации в России. К сожалению, наше государство не смогло в полной мере использовать резерв трудовых ресурсов, поступавший из стран ближнего зарубежья на протяжении более 10 лет.

В июне 2004 года в ФМС России прошел Круглый стол под названием «Что такое иммиграционная амнистия» (2004). На нем рассматривался вопрос проведения в России легализации иммигрантов, необходимой, чтобы избавить сотни тысяч вернувшихся к нам соотечественников от позорной участи быть нелегалами у себя на родине.

Переселенцы помогают не только преодолеть последствия демографического кризиса, заполнить вакансии, но также повысить общий уровень образованности населения, обновить культуру (особенно в сельских районах). Это важно понять как властным структурам на местах, так и населению принимающих территорий. Возвращающиеся в Россию переселенцы остро нуждаются в моральной поддержке, они должны чувствовать, что они не чужие, что их здесь ждут.

ЛИТЕРАТУРА

АРТОБОЛЕВСКИЙ, С.С., ЗАЙОНЧКОВСКАЯ, Ж.А. (2004). «Управление миграционными процессами», в: *Миграционная ситуация в регионах России*. Вып. 1: *Приволжский федеральный округ* (под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской). Москва: Центр миграционных исследований – Институт географии РАН – ИИП РАН.

ВИТКОВСКАЯ, Г.С. (2001). «Портрет вынужденной миграции в статистике и с жизни», в: *Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции* (под ред. Г. Витковской и Ж. Зайончковской). Москва: Издат. Товарищество «АдамантЪ», с. 239–249.

Всероссийский Чрезвычайный Съезд в защиту мигрантов (стенограмма и другие материалы Съезда) (2002). Москва: Информационное Агентство «Миграция».

ГОНТМАХЕР, Е.: «Из России бегут больше, чем из Ирака» (Беседу вела Лидия Графова) (2004), *Вестник Форума*, № 3 [www.migrant.ru]

Доклад 2002. Государство. Антропоток. ЦСИ ПФО. (2002). Гл. 2. Нижний-Новгород-Москва.

ЗАЙОНЧКОВСКАЯ, Ж. (2004). «Миграция вышла из тени. Интервью», *Отечественные записки*, № 4(19), с. 41–52.

КИРИЛЛОВА, Е.К. (2004). «Проблемы вынужденных переселенцев в России: глазами мигрантов», *Социологические исследования*, Москва, № 11, с. 46–51.

Население России: 2002. Десятый ежегодный демографический доклад (отв. ред. А.Г. Вишневский) (2004). Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Права и свободы личности (2003). Москва: Юриспруденция.

Российская молодежь: проблемы и решения (2005). Москва: Центр социального прогнозирования.

«Что такое иммиграционная амнистия?» (2004), *Вестник Форума*, № 6 [www.migrant.ru]

Jelena Kirillova

PRISILNA MIGRACIJA U RUSIJU: 15 GODINA POSLIJE

SAŽETAK

Članak analizira migracijsku situaciju u Rusiji, koja je posljedica krize socioekonomskog sustava, raspada Saveza te razvitka međunacionalnih sukoba u zemljama ZND a i Baltika. Iznose se podaci o prisilnoj migraciji iz zemalja ZND a u Rusiju. Autorica predstavlja rezultate sociološkog istraživanja o prisilnim migrantima, provedenog u nekoliko ruskih regija. Istraživanje je ukazalo na probleme životnih prilika i prilagodbe (pretežno ruskih) preseljenika iz zemalja ZND a i Baltika u Rusiji, njihove odnose s mjesnim stanovništvom i službenim strukturama, pravne, psihološke i ostale aspekte prilagodbe ljudi koji su zapravo postali stranci u vlastitoj zemlji. Osim toga, članak prenosi nekoliko kratkih intervjua s migrantima o njihovu životu u Rusiji.

KLJUČNE RIJEČI: migracijski procesi, prisilna migracija, adaptacija, Rusija, zemlje ZND-a

Elena Kirillova

FORCED MIGRATION TO RUSSIA: THE LAST 15 YEARS

SUMMARY

The paper analyses the migration situation in Russia that has resulted from the crisis of the socio-economic system, the disintegration of the Union, and the development of national conflicts in the CIS countries and in the Baltic states. Data is given on forced migration from the CIS countries to Russia. The author presents the results of sociological research on non-voluntary migrants in several Russian regions. The research revealed problems of living conditions and adaptation among (mostly Russian) migrants from the CIS countries and the Baltic in Russia, the relations with the local population and official structures, juridical, psychological and other problems of adaptation among people that have become practically

foreigners in their own country. Furthermore, the paper presents several brief interviews with individual migrants on their life in Russia.

KEY WORDS: migration processes, forced migration, adaptation, Russia, CIS countries